

Падение Канева. К вопросу о результатах второго Чигиринского похода

© М.Р. Яфарова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия

Рассмотрены осада и взятие Каневской крепости османскими войсками в 1678 г. Проанализированы сведения, которые получало русско-украинское командование в тот период.

Ключевые слова: Чигиринские походы 1677–1678 гг., русско-турецкая война, военная история, Канев, XVII в.

Разрушением Чигиринской крепости в 1678 г. и отходом османских войск завершился целый этап русско-турецкой войны, характеризующийся наступлением турецко-татарской армии на Чигирин и Украину. Однако результаты второго Чигиринского похода оставались неясными — столкновения, произошедшие в течение июля–августа 1678 г. между русско-украинскими войсками и османами, продемонстрировали, что ни одна из сторон не способна нанести решительного поражения другой. Переход русско-украинской армии 27 августа 1678 г. на левый берег Днепра на несколько недель оставил турок хозяевами Правобережья. В этих условиях многое зависело как от действий османских и русских войск, так и от позиции жителей Правобережья.

В историографии военные действия и судьба Правобережья после отступления османов от Чигирина практически не рассматривались. В общих чертах об этом упоминалось в исследованиях Н.А. Смирнова [1, с. 159], Я.Е. Водарского [2, с. 529, 530], Б.Н. Флори [3, с. 129, 130]. В работах украинского историка В. Зарубы [4, с. 412–427; 5, с. 319–323] довольно подробно, преимущественно по данным польского резидента С. Проского, находившегося в армии великого визиря Кара-Мустафы, освещается передвижение турецко-татарского войска и взятие им Канева. При этом стоит отметить, что в повествовании С. Проского [6] нарушена хронология. Речь идет не о различиях в календарных стилях, а именно об ошибках в датах. Например, польский резидент сообщает, что воевода И.И. Ржевский был убит 18 августа [6, с. 371], решающий штурм Чигирина произошел 21 августа [6, с. 372], тогда как эти события произошли 3 и 11 августа соответственно, и т. д. Сложно объяснить, с чем связаны такие неточности, — скорее всего, с более поздним письменным воспроизведением указанных случаев. Некоторые эпизоды осады крепости были рассмотрены в статье К.А. Кочегарова [7]. Однако вне поля зрения авторов остались све-

дения, которые получало в этот период русско-украинское командование. Не ясны логика действий сторон и политические последствия столкновений после падения Чигирина. Между тем имеются источники, позволяющие прояснить этот вопрос применительно к русско-украинскому и отчасти к турецко-татарскому командованию.

В фонде Разрядного приказа в РГАДА сохранилась переписка правителей Москвы с князем Г.Г. Ромодановским и гетманом И. Самойловичем, о действиях татарских орд подробно сообщали в своих отписках городовые воеводы. Важные сведения содержатся и в полученных царским правительством «расспросных речах» от пленных турок, татар и перебежчиков. Эти данные позволяют несколько расширить представления о событиях, происходивших на территории Украины после падения Чигиринской крепости, и понять логику действий русско-украинского командования в этот период.

Практически сразу после отступления русско-украинских войск за Днепр участились татарские набеги на приднепровские, малороссийские и собственно русские города. Так, пришедший в Соленой город черкашенин Яшка Васильев в расспросе сказал, что 24 августа 1678 г. «видел, де, он воинских людей татар от Соленого города в осми верстах человек с полтараста по речке Торце выше Соленого города в больших Торках» [8, л. 256, 257]. 31 августа большой отряд татар был замечен под Изюмом [8, л. 256]. 2 сентября волуйский воевода К. Лодыженский получил письмо из Царева-Борисова: «В 31-м числе приходили под Царев-Борисов воинские люди татаровя <...> и людей в полон поймали и конские и животинные стада <...> гнали, и пошли, де, те татаровя от Царева-Борисова к Северскому Донцу, а приход, де, их ожидает <...> в украинные городы» [8, л. 256].

Вскоре уже киевский воевода М.А. Голицын сообщал в Москву, что «сентября в 3-й день объявились от Киева в ближних местех многие татаровя. И под Межигорским монастырем того монастыря старцов и крестьян, а в Вышегороде вышегородских жителей з женами и з детми всех в полон взяли, и под селом Петровичеми животинные стада отогнали, а выходцы ис полону, которые от тех татар ушли, сказывают, что те татаровя будут изгоном и под Киев вскоре» [8, л. 267]. Несмотря на регулярность татарских набегов, речь все-таки шла о немногочисленных отрядах крымцев, чьей целью были захват «полона» и угон скота. Основная часть орды, как следует из расспросных речей взятых в плен татар, ушла на полуостров, опасаясь нападения атамана И. Серко на Крым [9, № 154, стб. 697].

Если татары совершали просто грабительские набеги, то действия турецкого командования в этот период стоит рассматривать как последовательное стремление утвердить власть Ю. Хмельницкого на Правобережье, несмотря на то что его не удалось сделать гетманом в Чигирине. 20 августа 1678 г. турецко-татарская армия отступила за

Тясмин и встала лагерем возле Чигирина. Кара-Мустафа приказал молдаванам и валахам разрушить остатки крепости, а пушки и колокола свезти к турецкому обозу [6, с. 374]. По словам С. Проского, в конце августа основная часть турецких войск через Медведевку и Черкассы подошла к Корсуню, где разместилась в районе Капустиной долины [6, с. 375]. П. Гордон также упоминал о том, что османы разбили лагерь «в месте под названием Капустина-долина» [10, с. 99].

Для укрепления власти Ю. Хмельницкого османское командование старалось «прельстить» казачье население правого берега Днепра. После прихода турецких войск в район Капустиной долины от имени Ю. Хмельницкого были разосланы отряды в Черкассы, Мошны, Канев, Корсунь, Ржищев, Немиров, Кальник, Меджибож, Лисянки, Жорнице с универсалами, в которых требовалось от населения подчиниться «князю Сармацкому, Малое России и Украины» [4, с. 425]. Кроме того, турки не преминули использовать и военную силу, направленную в первую очередь против сторонников московской ориентации на правом берегу Днепра. Самым крупным городом, отказавшимся признавать турецкую власть, оказался Канев: «Из полских городов, по тем Юрасковым листам, с послушанием отозвались, а из Канева ему в том отказали». После этого «по прошенью, де, Юраска Хмельницкого» последовал карательный поход на Каневскую крепость [9, № 157, стб. 693].

Канев являлся важной, хорошо укрепленной крепостью, занимавшей выгодное географическое положение на правом берегу Днепра. По люстрации 1622 г. в нем насчитывалось 140 дворов «послушных» мещан, обязанных к конной службе при старосте, и 150 казацких «непослушных», всего около 1700 жителей [11, с. 410]. По свидетельству турецкого путешественника Э. Челеби, Канев в конце 50-х гг. XVII в. — «это чудесная, крепкая крепость. Всего за ее стенами 5 тысяч домов, 5 церквей с колоколами, торговые ряды, базары, сады. <...> Всего войска в крепости 3 тысячи казаков с ружьями» [12, с. 81].

О подступившей к каневской крепости османской армии сохранились разноречивые данные. Так, спасшийся из Канева казак сообщал, что «пришел под Канев Юраско Хмельницкой, а с ним два паши с турецкими войски и с ордою» [8, л. 270]. Из расспросных речей Федора Яковенко следовало: «Как он, Федор, приехал в Канев и тамошних жителей гетманскою приязнию обнадежил и утвердил. И после того, на четвертой день присылал везирь вместо себя к Каневу Магмет пашу Боснийского с войски, да Юраска Хмельницкого. А сам везир стоял к реке Богу в полях на урочище Ушпале от Канева в пяти днях» [13, л. 106]. По данным взятого в плен турка, «ис Капустиной, де, далины он, везир, отпустил Юраску Хмельницкого под Канев, а с ним Юраском послал девяти пашей, да турецкого войска конницы двенатцат тысяч, да янычан двенатцат же тысяч, да дву салтанов

с ордою, а с ними орду тысяч с пять» [14, л. 110]. По словам другого пленного турка, с Ю. Хмельницким было двадцать тысяч воинов [9, № 157, стб. 693]. По сведениям С. Проского, Кара-Мустафа «отправил под Канев Аджи-Гирея салтана с немалыми ордами и четырех пашей с остатками янычар, и Хмельницкого» [6, s. 375]. К сожалению, имеющиеся источники не позволяют установить точную численность османов, осаждавших Канев, но, учитывая потери и состояние турецкой армии [15], можно предположить, что она вряд ли превышала 10–15 тысяч человек.

В это же время армия Г.Г. Ромодановского двигалась от Днепра, переправившись на левый берег 27 августа 1678 г., в глубь страны. Известно, что 6 сентября войска подошли к урочищу на реке Берестовке и держали курс на Сумы [8, л. 245]. Поспешное отступление от Днепра было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, ранний сбор войск (османскую армию ожидали в Чигирине уже «кончае мая в 1-х числах» [16, л. 316 об, 317 об.]) привел к массовому бегству ратных людей в конце кампании. Как писал Г.Г. Ромодановский в своей отписке царю, «Белогороцкого <...> и Севского полков с твоей великого государя службы многие розбежались, и достолные бегут беспрестанно, а прибылые <...> полков твои великого государя ратные люди бьют челом <...>, чтоб ты, великий государь, пожаловал за их многие кровавые службы, велел их отпустить по домом» [8, л. 245]. По царскому указу от 31 августа воеводе было велено «итить к <...> украинным городам и, пришед на речку Алешенку, полков своих, наших великого государя ратных людей, пересмотря по спискам, роспустит всех по домам» [8, л. 259]. Однако для этого воеводе следовало разведать «про турецкие и крымские, и про все неприятельские войска <...> всякими мерами накрепко, как возможно. Турского салтана везир и паши с войски и хан крымской с ордою совершенно ль пошли в свои земли и не чаят ли от них в том вперед какова лукавства» [8, л. 205].

В самом начале сентября в распоряжении Г.Г. Ромодановского были сведения о поспешном движении турок к Бугу: «От Черного лесу везир отпустил хана с ордами в Крым, а сам с войски пошел к реке Богу, а с собою взял проводит себя до Богу или до Дуная одного салтана с ордою <...>. Которые <...> заднепрские городы <...> Немиров, Калник, Виницу отдали поляки турком, и в тех, де, городех оставлены были на заставах турки, и они ис тех городов все выбежали. И ныне в тех городех и нигде за Днепром турецких людей никовет» [8, л. 244, 245]. Как видно, русско-украинское командование, отступая, исходило из представлений о том, что турецкие войска не будут задерживаться на территории Украины. Не исключено, что оно действовало под впечатлением событий 1677 г., когда османская армия спешно сняла осаду с Чигирин и двинулась к Бугу: «Уходили

страхом великим днем и ночью безо отдохновения за Бог реку, и за Богом рекою три дни спешным уходом полями» [17, л. 248]. Кроме того, ввиду наступающей зимы длительная дислокация армии Кара-Мустафы на территории разоренного Правобережья была маловероятна, тем более что снабжение по Днепру, на которое рассчитывало османское командование, оказалось невозможным из-за действий запорожцев во главе с И. Серко [18, л. 51, 52; 19, с. 282, 283]. Итак, отступление русской армии с территории Левобережья оставило защиту Украины гетману И. Самойловичу и войску Запорожскому. В дальнейшей защите Правобережья русская армия в этот период не участвовала.

И. Самойлович также думал, что османские войска поспешно отступают с территории Украины. В частности, как видно из письма И. Самойловича киевскому воеводе М.А. Голицыну от 3 сентября 1678 г., в распоряжении гетмана были следующие сведения: «О неприятельском отходе сказывают так, и нарочные мои войсковые люди для перебивания шляхов на ту сторону Днепра посланные, проведав, ведомо чинят, что неприятели, везир со всеми турецкими войски, никуды итти войною замыслу не имея, прямо в свою поганую землю мимо Умани пошли <...>. И хан с ордами уже <...> с турками разлучась, в Крым пошел. И то подлинная весть есть, что при их бусурманском подъеме назад ис под Чигирина все их порохи в запалех будучие погорели. И для того, мнитца нам, не надеяться бы из силы неприятельские с тягостми возврату». Как видно, по его мнению, речь могла идти только о нападении татарских отрядов: «Мои посланные мне ведомо учинили, что татарской шлях за Корсунем в полях перебили, и шло будто с 500 коней сюды, к Днепру и у Диких поль, а не ведомо под которые города те неприятели именно обратятся» [8, л. 265].

Об уверенности гетмана в том, что турки спешат покинуть Украину, свидетельствуют и расспросные речи Федора Яковенко, взятого в плен османскими войсками после падения Канева: «Как уступили турки от Днепра ис под Чигирина, и гетман ис под Чигирина пошел к Переяславлю, а в Каневе каневские жители учили тревожитца, что идут под Канев турки, а у гетмана о том ведомости подлинной не было. И гетман послал ево, Федора, в Канев тамошних жителей обнадежить, что уже турков на Украине нет, пошли в свои земли, и чтоб он про турков проведал имянно и ему, гетману, объявил» [13, л. 103]. В то же время И. Самойлович допускал, что Каневу грозит опасность, которая, по его мнению, могла исходить только от татар. Из его письма к князю Г.Г. Ромодановскому от 28 сентября следует, что в самом конце августа «дошла <...> ведомость ис Канева, что орды немалая часть с Яненченком, шурином Дорошенковым, пришли под Корсун, а ис под Корсуня хотели быть под Канев. И по той ведомости <...> каневские жители <...> просили меня о помочи, которую я им чинил» [14, л. 115].

Известно, что гетман И. Самойлович принял ряд мер, направленных на укрепление Канева, однако степень их реализации прямо зависела от представлений, связанных с положением и дальнейшими действиями османской армии.

И. Самойлович послал в Канев наемный пехотный полк П. Кожуховского. Из его письма компанейскому полковнику И. Новицкому от 4 сентября 1678 г. следует, что к этому времени полк еще не форсировал Днепр и не вошел в крепость «для доданья пану полковникови каневскому посылку». Как считал гетман, связано это было с тем, что в Каневе малоллюдно и отсутствует достаточное количество провианта. обороной Канева должен был руководить Д. Пушкаренко, который значился каневским полковником с 1674 г. [4, с. 317]. Как отмечает В. Кривошея, ему лично была направлена царская грамота с «милостивым словом» за участие каневского полка в обороне Чигирина [20, с. 110]. Из письма Д. Пушкаренко И. Самойловичу известно, что в то время как полк Кожуховского стоял на левом берегу Днепра, «неприятели татаре приишовши под Канев, чинят под место налогу» [21, № 115, стб. 150]. Именно поэтому, по приказу гетмана, И. Новицкому следовало двигаться к Каневу для помощи его жителям: если подошедшие к крепости татарские отряды будут малочисленны, то ему надлежало оставить в городе одну-две сотни казаков. Если количество татар окажется значительным, то следовало перевезти жителей Канева на Левобережье потому, что, как писал гетман, «их город оголочен з людей, хочь бысьмо рады были, не можем их так скоро посилковати» [21, № 115, стб. 150].

В этот же день И. Самойлович пишет письмо каневскому полковнику Д. Пушкаренко, которому приказывал: «Цале пострах на себе взявши, опоноватися неприятелеви не схотели, али перше жоны свое и дети з ходобами на сей бок переправили, а потом и самы от своих оседлостей сюды ж переходить, и вже для видимого малоллюдства слабая есть надея обороны вашей». Женщин и детей следовало отправить в Переяславль, а самому Д. Пушкаренко, перейдя на левую сторону Днепра, встать в селе Лепляво «для целости людей побереговых». При чем того, кто будет сопротивляться, нужно было заставить «для спольной одностайности, силомочью» [21, № 116, стб. 150, 151].

Осада Канева длилась несколько дней: сначала к городу подступили татарские отряды, и только на следующий день подошли основные османские силы. Об этом свидетельствует письмо И. Самойловича к Г.Г. Ромодановскому от 28 сентября. По словам гетмана, он «послал к ним в Канев полк пехотный Кожуховского, однако, те ж каневские жители до приходу к ним того пехотного полку, тревожас, одни жены и дети и пожитки свои на сю сторону Днепра отпустя, толко сами в городе остались. А иные и сами совсем на сю сто-

рону попереходили, и едва не пуст город оставили. А полк пехотный, приход было в город с остальцами каневскими, при которых был и сам полковник каневской, и в то время преже орда пришла, и под Канев, с которою пехота билися день» [14, л. 116]. Как видно, пехотный полк П. Кожуховского, используя благоприятный момент, все-таки переправился через Днепр и сумел войти в крепость. Как установил К.А. Кочегаров из опубликованной им сводки потерь войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г., в результате боев за крепость сердюки потеряли 160 человек [7, с. 352, 353]. Кроме того, в приведенном гетманом И. Самойловичем сообщении подчеркивается, что гражданского населения в городе почти не осталось. Однако иную картину рисует С. Проский. По его сведениям, пока османская армия собиралась под Каневым, казаки планировали обороняться, но как только увидели, что турки стали ставить палатки, «побросали оружие <...>: одни, особенно старшина, бежали на другую сторону Днепра, другие, которые беднее, с детьми, с женами и с пожитками укрылись в монастыре; город сами зажгли» [6, с. 375]. И. Самойлович об этом сообщает более акkuratно: «А после того неначаемо на другой день, приход турки, пехоту сломили, и вшод в город, людей, которые не могли поспешить к Днепру, посекли, а город сожгли» [14, л. 116].

По словам С. Проского, когда в охваченный огнем город вошли османы и, не обнаружив в нем ничего, кроме еды, принялись осаждать монастырь, казаки, укывшиеся в нем, стойко оборонялись, и за два дня с одной и с другой стороны погибли 500 человек. Но ситуация осложнилась, когда у казаков закончился порох, и хотя турок они «выбивали из монастыря оглоблями и шестами, сражаясь отчаянно днем и ночью», перевес оказался на стороне османов. Ю. Хмельницкий, оценив положение, направил осажденным письмо с требованием сдаться, обещая отпустить их. Они, «видя, что дальше обороняться без огнестрельного оружия невозможно, выслали четырех знатных человек к Хмельницкому с хлебом и солью, требуя от него клятву, что они не будут преданы смерти. Хмельницкий клялся на кресте и целовал хлеб, и сразу те казаки из монастыря стали выходить, а больше всего — “белых голов” (по мнению В. Зарубы, речь идет о женщинах в намитках [5, с. 320]. — *Примеч. авт.*) и детей. Через несколько минут, когда их собралось много, на них напали — со всех сторон налетели янычары и всех тех людей, которых было около трех тысяч, как скот, растерзали, другие укрылись в монастыре, оставшихся хватали и связывали». Несколько сотен казаков, «видя измену», сумели выбить янычар из монастыря и снова укрыться в нем. Османы предприняли попытку штурма монастыря, пытаясь овладеть башней, однако казаки «еще с большим рвением давали им отпор, заваливая турок зарубленными трупами и забрасывая камнями». Потерпев неудачу, под вечер турки зажгли мо-

настырь — «и горел он день и ночь <...>. Когда со всех сторон их охватило пламенем, тысячу или более человек, особенно жен и самих сердюков, подушил дым и сжег. Оставшиеся, которых было человек двести, вышли из огня и сдались в плен, тогда Хмельницкий их всех разоружил и отослал в Корсунь» [6, с. 375].

По словам П. Гордона, османы в Каневе «перебили всех, кого там застали, кроме человек семидесяти, укрывшихся в церкви; по ходатайству Хмельницкого их пощадили и доставили к нему» [10, с. 99]. О том, что потери среди населения были значительны, свидетельствует и Летопись Самовидца: «Часть войска турецкого и татар, пошовши з Яненком под Канев, и Канев достали и вирубали людей, и Канев спалили, и монастыр, где у церкви мурованой много люду подушили огнем турки, а остаток через присягу здалися Хмелницкому» [22, с. 131].

Восприятие падения Канева османскими войсками отражено у С. Проского, возлагающего за это вину на Г.Г. Ромодановского. Как отмечал польский резидент, Г.Г. Ромодановский, «зная о многочисленных неприятельских войсках, не укрепил ближайшие крепости, особенно Канев, и амуницией не обеспечил; во-вторых, не дал им помощи, хотя они просили. Кроме того, сам их успокаивал, что будут только малые татарские отряды, чем бедняги и успокоились — не убежали, как жители Черкасс, и не поддались туркам, как корсунцы. Поэтому погибло их более двух тысяч в монастыре от огня» [6, с. 375].

Падение Канева сильно деморализовало правобережную старшину. Перед жителями правого берега Днепра встал выбор — либо переселение на Левобережье, либо признание власти Ю. Хмельницкого. Уже в октябре 1678 г. переяславский полковник И. Лысенко писал И. Самойловичу, что по его приказу не удалось переселить жителей правобережных городков: Черкасс, Белозорь и Мошен. По словам И. Лысенко, «став под Мошнами, преже сего христиански увещали их, чтоб любовию обошлись и к нашему совету склонились. И они тотчас с тем к нам отозвались, что мы с вами не желаем битись; толко по вашему приказу на ту сторону не пойдем, хотя бы нам довелось одному с другим умереть». Аналогичный ответ был получен из Черкасс: «Хотя во все время нам были желателны, толко как мы послали к ним, чтоб на ту сторону переходити, таким же ответом отозвались: хотя бы нам пришло и умирать, а не пойдем на ту сторону в чужие углы скитатись, волно, де, вам и с вашими душами» [9, № 158, стб. 697]. Столкнувшись с резким сопротивлением населения, переяславский полковник вернулся на левый берег Днепра, опасаясь прихода татарских отрядов. Однако перед этим велел в Мошнах сжечь весь хлеб и конские корма [9, № 158, стб. 697]. По всей видимости, вмешательство И. Самойловича во внутренние дела Правобережья после второй Чигиринской кампании и падения Канева, неспособность защитить население этих территорий

без его перевоза на левый берег Днепра не могли устроить правобережную старшину, которая в этих условиях начала признавать власть Ю. Хмельницкого и искать соглашения с османами. Только казаки каневского полка, как отмечает В. Заруба, перешли добровольно на Левобережье и расселились в Переяславском полку [23, с. 52].

Как было сказано выше, осада и потеря Канева свидетельствуют о том, что ни гетман И. Самойлович, ни Г.Г. Ромодановский всерьез не рассматривали возможность продолжения боевых действий со стороны османов. Меры, принятые гетманом, оказались недостаточными против действий совместной турецко-татарской армии. Для русско-украинского командования потеря Канева была неожиданной. Тем не менее И. Самойлович в конце сентября 1678 г. ставил себе в заслугу защиту левого берега Днепра от татарских набегов после взятия Канева: «И перебежав тогда орда на сю сторону Днепра, надела около Канева. <...> толко компания наша знова прогнала их за Днепр потому, что я пришед в Переясловль тот час, и туды к Каневу компанию послал было. И для того нарочно от Днепра поспешал к Переясловлю, а если бы я не поспешил и они бы, поганые, могли перешод на сю сторону, много учинить разоренья, а то <...> ни малого разоренья не учинили, после каневского разоренья пошли в свою сторону» [14, л. 116, 117]. И. Самойлович также указал компанейским полковникам И. Новицкому и Я. Павловскому укрепиться около Борисполя и Воронькова, кроме того, совместно с переяславским полковником И. Лысенко И. Новицкому следовало оставить отряды казаков в Барышевке, Березани и Переяславле [21, № 117, стб. 151]. Как видно, гетман пытался защитить территории, расположенные значительно севернее от непосредственного столкновения и, что самое важное, недалеко от Киева. Такое расположение позволяло в дальнейшем быстро перебросить войска к древнерусской столице. В целом, как отмечает И. Самойлович, своевременно предпринятые действия позволили избежать дальнейшего разорения Левобережья и предотвратить перенос масштабных боев на левый берег Днепра. Но эти запоздалые меры выглядят как желание оправдаться после стратегического просчета.

Крупных военных действий с участием турецких войск после взятия Канева не было: «Неприятелские войска к везиру и к хану крымскому поворотились, пошли они, везир и хан, с войски в свои стороны на Ладыжин и на Сороку» [14, л. 104]. Ф. Яковенко также сообщал, что «на третьей день по взятии Канева <...> паша с войски пошли ис под Канева к везиру в сход» [13, л. 104]. Действия татар ограничились небольшими рейдами. Так, по словам пленного турка, «того ж, де, числа как Канев взяли, татаровя перешли за Днепр на Переясловскую сторону, и те, де, татаровя от Переясловля в десяти верстах села и деревни пожгли, и людей всех поймали в полон и по-

шли вниз по Днепру к местечку Пещаному» [14, л. 112]. По сведениям С. Проского, татары, не сумевшие нажиться в Каневе, отрядами переправились на левый берег Днепра и дошли до села Пещаного в семи или восьми милях от Днепра, где угнали скот [6, с. 375].

Уже 16 сентября 1678 г. в царской грамоте к Г.Г. Ромодановскому было сказано, что воеводе следовало «на оборону малороссийских городов и жителей сей стороны Днепра итить в малороссийские города наскоро и сословся з гетманом с Ываном Самойловичем Киеву помогать и малороссийских городов оберегать». Как видно, речи о том, что русские войска будут защищать Правобережье, не было. Кроме того, Г.Г. Ромодановский после падения Канева считал нецелесообразным отправить войска даже на Левобережную Украину, придерживаясь выжидательной позиции, «чтоб <...> ратным людем збором к походу бес подлинных ведомостей непрасной трудности не учинить и без дела их не изнужить, потому что и в нынешнем, <...>, походе они, ратные люди, вконец изнужились и лошадыми опали, а у иных у многих лошади побиты» [14, л. 106]. В то же время воевода соглашался отправить пятитысячный отряд камарицких драгун, которые «в нынешнем Чигиринском походе в полку с нами не были, а были в домех своих», на оборону Киева [14, л. 107].

Итак, осада Канева стала поворотным моментом в восстановлении османского протектората над Правобережьем. По словам Самовидца, после этого события «города: Черкаси, Мошна, Корсун, Жаботин zostали в послушенстві Хмельницкого в власти турецкой. И того ж часу жолніре уступили с Калника, Немерова, Лінец и з Жорниц и тое zostало в владзи Хмельницкого, которій ся писал так: “Тригорій Геден Венжик Хмельницкій, з божой ласки ксіонже рускій и гетман запорозскій”» [22, с. 131]. Османам удалось утвердить Ю. Хмельницкого в Немирове. Как отмечает Б.Н. Флоря, в это время в окружении Ю. Хмельницкого упоминаются могилевский, кальницкий, немировский и черкасский полковники [3, с. 128]. Русское правительство, со своей стороны, вынужденно согласилось с тем, что после Чигиринского похода 1678 г. обстоятельства для расширения сферы русского влияния на Правобережье оказались неблагоприятны. В то же время важнейшим внешнеполитическим приоритетом Москвы продолжала оставаться защита левого берега Днепра и Киева.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. *Ученые записки*, 1946, вып. 94, т. 2, 174 с.
- [2] Водарский Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. В кн.: *Очерки истории СССР. Т. 6.* Москва, Изд-во Академии наук, 1955, с. 518–531.

- [3] Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.). В кн.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 2. Москва, Наука, 2001, с. 108–148.
- [4] Заруба В. Похід османського війська на Чигирин влітку 1678 р. в щоденнику польського посла С. Проського. *Україна в Центрально-Східній Європі*, 2013, № 12–13, с. 412–427.
- [5] Заруба В. *Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII ст.* Дніпропетровськ, Ліра ЛТД, 2003, 464 с.
- [6] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawy pod Czehryń. *Źródła do poselstwa Jana Gnńskiego, wojewody chełmnickiego, do Turcji w latach 1677–1678.* T. XX. Warszawa, 1907, s. 359–378.
- [7] Кочегаров К.А. Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. *Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*, 2011, вып. 2, с. 348–431.
- [8] РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1157.
- [9] *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.* Т. 13. 1677–1678. Санкт-Петербург, 1884, 383 с.
- [10] Гордон П. *Дневник. 1677–1678 гг.* Москва, Наука, 2005, 250 с.
- [11] Боплан Г.Л. *Описание Украины.* Москва, Древлекохранилище, 2004, 300 с.
- [12] Челеби Э. *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века).* Вып. 1: *Земли Молдавии и Украины.* Москва, 1961, 338 с.
- [13] РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 154.
- [14] РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1205.
- [15] Яфарова М.Р. Состояние османской армии после Чигиринского похода 1678 года. *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2014».* Москва, МАКС Пресс, 2014, 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
- [16] РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 848.
- [17] РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 872.
- [18] РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1002.
- [19] Апанович О.М. *Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарською агресією.* Київ, Вид-во академії наук УРСР, 1961, 416 с.
- [20] Кривошея В. *Генеалогія українського козацтва: Канівський полк.* Київ, Стило, 2006, 210 с.
- [21] *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.* Т. 5. 1633–1699. Санкт-Петербург, 1855, 322 с.
- [22] *Літопис Самовидця.* Київ, Наукова думка, 1971, 210 с.
- [23] Заруба В. *Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького.* Дніпропетровськ, Ліра ЛТД, 2007, 380 с.

Статья поступила в редакцию 27.12.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Яфарова М.Р. Падение Канева. К вопросу о результатах второго Чигиринского похода. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 3.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-3-422>

Яфарова Мадина Рашидовна — аспирантка исторического факультета кафедры «История России до начала XIX века» МГУ им. М.В. Ломоносова.
e-mail: mryaf@bk.ru

The downfall of Kanev. On the results of the Second Chyhyryn campaign

© M.R. Yafarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

The article discusses the siege and the seizure of the Kanev fortress by Ottoman troops in 1678. The information received by the Russian–Ukrainian command during that period is analyzed.

Keywords: Chyhyryn campaigns of 1677–1678, Russian-Turkish war, military history, Kanev, XVII century

REFERENCES

- [1] Smirnov N.A. Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. *Uchenye zapiski* [Russia and Turkey in the XVI–XVII centuries. Memoirs], 1946, iss. 94, vol. 2, 174 p.
- [2] Vodarskiy Ya.E. Mezhdunarodnoe polozhenie Russkogo gosudarstva i russkoturetskaya voyna 1676–1681 gg. [The international situation of the Russian state and the Russian-Turkish war of 1676–1681 years]. In: *Ocherki istorii SSSR. T. 6* [Essays on the history of the USSR. Vol. 6]. Moscow, Academy of Science Publ., 1955, pp. 518–531.
- [3] Florya B.N. Voyny Osmanskoj imperii s gosudarstvami Vostochnoy Evropy (1672–1681 gg.) [Wars of the Ottoman Empire with the Eastern Europe countries (1672–1681)]. In: *Osmanskaya imperiya i strany Tsentralnoj, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v XVII v.* Ch. 2 [The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the XVII century. Part 2]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 108–148.
- [4] Zaruba V. *Ukraina v Zentralno-Skhidnyj Evropi — Ukraine in Central and Eastern Europe*, 2013, no. 12–13. pp. 412–427.
- [5] Zaruba V. *Ukrainske kozatske viysko v rosiysko-turetskikh viynakh ostannoy chverti XVII st.* [Ukrainian Cossack army in the Russian-Turkish wars of the last quarter of the XVII century]. Dnipropetrovsk, Lira Publ., 2003, 464 p.
- [6] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawy pod Czehryń. *Źródła do poselstwa Jana Gninskiego, wojewody chełmnickiego, do Turcji w latach 1677–1678. T. XX.* Warszawa, 1907, p. 359–378.
- [7] Kochegarov K.A. Poteri Voyska Zaporozhskogo v Chigirinskoy kampanii 1678 g. [Loss of Zaporizhia Army in Chyhyryn campaign]. In: *Edinorog. Materialy po voennoj istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni. Vyp. 2.* [Unicorn. Materials on the Eastern Europe military history of the middle Ages and Early Modern Times. Issue 2]. Moscow, 2011, pp. 348–431.
- [8] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 210, op. 13, d. 1157* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 210, inventory 13, file 1157].
- [9] *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiyey. T. 13. 1677–1678* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission. Vol. 13. 1677–1678]. St. Petersburg, 1884, 383 p.
- [10] Gordon P. *Dnevnik. 1677–1678 gg.* [A diary. 1677–1678]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 250 p.

- [11] De Beauplan G.L. *Opisanie Ukrainy* [Description of Ukraine]. Moscow, Drevnekhranilishche Publ., 2004, 300 p.
- [12] Chelebi E. *Kniga puteshestiya: (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vyp. 1. Zemli Moldavii i Ukrainy* [Travel Book: (Extracts from the works of the Turkish traveler of the XVII century). Issue 1. Territories of Moldova and Ukraine]. Moscow, 1961, 338 p.
- [13] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 229, op. 1, d. 154* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 229, inventory 1, file 154].
- [14] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 210, op. 13, d. 1205* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 210, inventory 13, file 1205].
- [15] Yafarova M.R. Sostoyanie osmanskoy armii posle Chyhyrynskogo pokhoda 1678 goda [The condition of the Ottoman army after the Chyhyryn campaign of 1678]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2014"* [Proceedings of the International Youth Scientific Forum "Lomonosov-2014"]. Moscow, MAKS Press Publ., 2014. 1 CD-ROM.
- [16] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 210, op. 13, d. 848* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 210, inventory 13, file 848].
- [17] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 210, op. 13, d. 872* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 210, inventory 13, file 872].
- [18] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 210, op. 13, d. 1002* [Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 210, inventory 13, file 1002].
- [19] Apanovich O.M. *Zaporizka Sich u borotbi proti turetsko-tatarskou agresieyu* [Zaporizhian Sich in the fight against the Turkish-Tatar aggression]. Kiev, URSR Academy of Sciences Publ., 1961, 416 p.
- [20] Krivosheya V. *Genealogiya ukrainskogo kozatstva: Kanivskiy polk* [Ukrainian Cossacks Genealogy: Kanev Regiment]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 210 p.
- [21] *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey. T. 5. 1633–1699* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission. Vol. 13. 1633–1699]. St. Petersburg, 1855, 322 p.
- [22] *Litopis Samovidtsya* [The chronicle of eyewitness]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1971, 210 p.
- [23] Zaruba V. *Administrativno-teritorialniy ustriy ta administratsiya Viyska Zaporozkogo* [Administrative-territorial organization and administration of Zaporizhian army]. Dnepropetrovsk, Lira Publ., 2007, 380 p.

Yafarova M.R., post-graduate student, Faculty of History, Department of History of Russia Before the Beginning of the XIX Century. e-mail: mryaf@bk.ru